

УДК 341.1/8
ББК 67.91

К ДИСКУССИИ О ПРАВОМЕРНОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Л.Н. Тарасова

Статья посвящена проблеме правомерности гуманитарной интервенции. Неоднозначность данной проблемы порождается сочетанием общепризнанного международно-правового принципа неприменения силы в международных отношениях с растущим убеждением в том, что мировое сообщество не может оставаться безучастным к гибели, страданиям, грубым и массовым нарушениям прав людей в том или ином государстве.

Ключевые слова: права человека, гуманизм, гуманитарная катастрофа, гуманитарная интервенция, вмешательство во внутренние дела, применение силы, международный мир и безопасность, правомерность, законность, международное право.

С самого начала возникновения международного права и в трудах многих современных ученых распространена точка зрения о правомерности гуманитарной интервенции.

Исходя из того, что за каждым человеком независимо от его принадлежности к тому или иному государству признаются определенные естественные права, еще Гуго Гроций в работе «О праве войны и мира», изданной в 1625 г., оправдывал так называемые справедливые войны ради защиты не только своих, но и чужих подданных, если над ними творят «явное беззаконие» [6, с. 562].

Вмешательство во внутренние дела других государств по мотивам гуманности признавалось правомерным большинством юристов-международников как в XVIII в., так и в XIX веке. В этот период великие державы «Европейского концерна» активно пытались защитить христианских подданных Османской империи от преследований и поборов со стороны Порты – османского правительства (так, в результате защиты, оказываемой Францией ливанским христианам, Ливан с 1861 г. приобрел свою независимость).

Законность права на вмешательство получила подтверждение во многих международных договорах и соглашениях этого периода истории (например, Берлинский договор 1878 г.).

Концепция гуманитарной интервенции широко использовалась в практике международных отношений для защиты национальных и религиозных меньшинств вплоть до XX века [1, с. 34]. Однако известные юристы-международники Браунли и Хамфрэй пришли к выводу, что «в действительности все интервенции того времени происходили в политических целях, далеких от идей гуманизма» [11, с. 339].

После Второй мировой войны и образования Организации Объединенных Наций право на применение силы в международных отношениях подвергается серьезным ограничениям. Устав ООН полностью запрещает государствам применять вооруженную силу первыми в одностороннем порядке. Тем не менее многие государственные деятели и ученые и сегодня спорят о правомерности гуманитарной интервенции, которая не раз использовалась отдельными государствами в качестве предлога для применения вооруженной силы.

Существует мнение, что вся полемика о роли и месте гуманитарной интервенции в поддержании международного мира и безопасности может быть сведена к обсуждению смыслового содержания данной формулы.

В самом понятии «гуманитарная интервенция» есть внутреннее противоречие, кото-

рое английский профессор Лоуренс Фридман назвал одновременным присутствием двух смыслов. Первый определяет характер акции, предпринимаемой во имя поддержания мира и стабильности. Второй состоит в грубом нарушении суверенитета государства [12, с. 27].

Одно из наиболее полных определений гуманитарной интервенции было дано в совместном докладе двух голландских неправительственных организаций – Консультативного комитета по правам человека и внешней политике и Консультативного комитета по вопросам публичного международного права. В докладе гуманитарная интервенция определяется как «угроза или использование силы одним или более государствам в пределах территории другого государства с единственной целью остановить или предотвратить крупномасштабные, серьезные нарушения основных прав человека, которые имеют место или совершение которых в ближайшем будущем очевидно, независимо от гражданства, причем к таким правам в особенности относится право индивидов на жизнь, в случаях, когда угроза или использование силы осуществляются либо без предварительного получения полномочий от компетентных органов ООН, либо без разрешения законного правительства страны, на территории которой интервенция имела место» [21, с. 4].

Почти все юристы-международники под гуманитарной интервенцией понимают использование вооруженной силы. Это «военная интервенция в стране, осуществляемая вне зависимости от согласия ее правительства, имеющая своей целью предотвратить широкомасштабное страдание и гибель населения» [13, с. 34–40].

Современные сторонники гуманитарной интервенции не только оправдывают вмешательство во внутренние дела, основанное на гуманитарных соображениях, но даже выстроили целую концепцию ее практического осуществления. Данная концепция принимает доктринальную форму и призвана стать своеобразным «предписанием» при планировании гуманитарной интервенции. Критики же концепции гуманитарной интервенции обоснованно характеризуют эти предлагаемые рекомендации «недостатком здравого смысла в понимании дилемм, факторов риска и цены интервенции» [19, с. 2].

Формулируя доктрину вмешательства, ее сторонники ставят перед собой три главных вопроса: когда, кто и с какой целью может (и должен) осуществить интервенцию.

Ответ на первый вопрос – *когда?* – осложняется тем, что ООН запрещает интервенцию без санкции Совета Безопасности в любых случаях. Но на основе практики и ее академического анализа защитники гуманитарного вмешательства выделяют два основных критерия. Первый подразумевает наличие внутренней ситуации, представляющей явную угрозу для международного мира и стабильности, иными словами, когда внутренний кризис приобретает остроту, которая позволяет, по мнению многих, вынести его за рамки внутренней юрисдикции. Вторым критерием имеет в виду наличие фактов грубого нарушения прав человека и массового и систематического страдания населения.

При этом, как отмечает профессор В.А. Карташкин, «изменения, происходящие в мире под влиянием глобализации, привели к попыткам расширительного толкования понятия гуманитарной интервенции и оправдания ее применения не только в случае нарушений прав человека, но и в целях ликвидации диктаторских режимов, пресечения терроризма, уничтожения ядерного, химического и бактериологического оружия» [7, с. 225].

Ответ на следующий поставленный вопрос – *кто?* – призван определить субъекта вмешательства. Большинство авторов сходится во мнении о предпочтительности применения гуманитарного вмешательства со стороны не государств, а международных организаций универсального и регионального характера. Известный отечественный политолог Т.В. Бордачев отмечает: «Стремление передать ряду региональных организаций роли полисмента или шерифа при разрешении внутренних вооруженных конфликтов стало одной из основных составляющих в видении их роли и места в настоящее время... Акции, связанные с возможным применением силы, более разумнее поручать организациям, которые наиболее приспособлены к такого рода деятельности и соответственно располагают необходимыми ресурсами и навыками» [4, с. 113]. Некоторые зарубежные ученые, в частности Я. Браунли и др., и вовсе признают вмешательство со стороны международных орга-

низаций не только более разумным, но и единственно законным, а государства, по их мнению, права на такую интервенцию не имеют.

Заключительный элемент доктрины гуманитарной интервенции является едва ли не самым важным – это *цель* вмешательства. Предлагается считать правомерным вмешательство в том случае, если единственной его целью является предотвращение или прекращение крупномасштабных серьезных нарушений прав человека, особенно права на жизнь. Гуманитарные миссии не должны иметь политической подоплеки. Другими словами, вмешивающееся государство должно быть нейтральным, «относительно беспристрастным» [22, с. 418].

Если же говорить не об общих целях, а о практических задачах «гуманитарной интервенции», то мнения правоведов здесь разнятся. Западный профессор С. Хофман выделяет три основных подхода к определению целей гуманитарного вмешательства [14, с. 41–42]. Первый условно назван «минималистским» и ограничивает интервенцию исключительно гуманитарными задачами. Этот так называемый подход «с позиций Красного Креста» состоит в необходимости обеспечения доставки грузов с продовольствием и медикаментами страдающему населению, что может быть осложнено действиями местных сил. Второй подразумевает создание гуманитарным операциям «безопасного окружения». Меры по защите могут здесь варьироваться от организации «зон безопасности» до прямого воздействия на противную сторону как «принуждения к миру» по терминологии ООН. Третья стратегия является гораздо более амбициозной. По мнению либеральных авторов, необходимо совмещать поиск политического решения проблемы с активным применением силы для разоружения противников, принуждения сторон к согласию на принятый мирный план или устранения ряда военно-политических фигур, препятствующих достижению мира. Данный подход получил наименование «разрешение кризиса».

Профессор Ю.Н. Малеев выделяет две стадии гуманитарной интервенции. Первая стадия – силовая, применение вооруженных сил. Вторая стадия «подразумевает содействие социальному развитию страны, искоренение социальных причин, которые вызывают нарушения прав личности, геноцид и прочее» [2, с. 26].

Оправдывая гуманитарную интервенцию, ряд ученых пытается найти аргументы в обычном международном праве. Так, сторонники вмешательства утверждают, что гуманитарная интервенция, подобно самоопределению, является принципом естественно-правовой идеологии, который сохраняется в международном праве, несмотря на широкое утверждение и закрепление в законодательстве концепций невмешательства и суверенитета. «Просто установленные, определенные принципы человечества превосходят идею суверенитета. Когда происходит нарушение этих принципов, у государства нет иммунитета против вмешательства» [20, с. 56].

Но эта ссылка на естественное право не может не встретить возражения, так как с таким же успехом можно было бы утверждать о правомерности существования колониальных и зависимых территорий, потому что еще совсем недавно наличие таковых допускалось не только правовыми обычаями, но и даже Уставом ООН.

Другие юристы строят правовое обоснование законности гуманитарной интервенции на чрезмерно широкой интерпретации положений Устава ООН. В частности, М. Райзман и М. Макдугал считают, что Устав ООН не только подтвердил, но и усилил обоснование гуманитарной интервенции [18, с. 167]. Они выступают за широкое толкование источников международного права и считают целесообразным учитывать не только букву, но и дух международно-правовых документов. При этом делается ссылка на Преамбулу, статью 1 (3) и на ст. 55 и 56 Устава ООН, согласно которым государства-члены взяли на себя обязательство «предпринимать совместные и самостоятельные действия» для утверждения «всеобщего уважения прав человека и основных свобод для всех» [там же].

Приверженцев гуманитарного вмешательства не смущает противоречие их концепции основополагающим принципам международного права, таким как: неприменение силы, уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела и мирное урегулирование споров. По мнению теоретиков гуманитарной интервенции, значение этих международно-правовых принципов нивелируется концепцией универсальности прав человека.

Смысл данной концепции состоит в том, что все государства, которые приняли на себя обязательство уважать Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Хельсинский Заключительный акт и другие документы, провозглашающие универсальные и неотъемлемые права человека, одновременно взяли на себя международно-правовое обязательство гарантировать закрепленные в них права человека и признали, что данная сфера не является предметом их исключительной компетенции. Иными словами, нарушение прав человека, гуманитарная катастрофа никогда не может считаться чисто внутренним делом того или иного государства. По мнению бывшего Генерального секретаря ООН Кофи А. Аннана: «Во многих случаях конфликт может стать настолько опасным, что международное сообщество обнаружит себя обязанным вмешаться».

Опираясь на концепцию универсальности прав человека, ряд ученых делает следующий вывод. «Когда государство злоупотребляет абсолютным правом суверенитета и допускает такое обращение со своими гражданами, которое нарушает все универсальные гуманитарные нормы, любое государство может осуществить право гуманитарного вмешательства» [16, с. 210].

Подобные заключения противоречат Уставу ООН и общепризнанным принципам международного обычного и договорного права.

Согласно Уставу ООН любое применение силы, не совместимое с целями организации, противоправно. Устав ООН разрешает применять силу лишь в порядке самообороны (ст. 51 Устава ООН) или по решению Совета Безопасности для восстановления международного мира и безопасности (ст. 42 Устава ООН).

Точка зрения, отдающая приоритет нормам о защите важнейших прав и свобод граждан над нормами о соблюдении других принципов, не находит юридического подкрепления ни в одном международном правовом акте. Да, и в Хельсинском Заключительном акте СБСЕ, и в Парижской хартии для новой Европы (1994 г.), и в ряде других международных документов отмечается, что грубые и массовые нарушения прав человека должны рассматриваться в качестве угрозы международ-

ной безопасности. Но только Совет Безопасности имеет право определить, что огромные нарушения прав человека, происходящие в пределах какой-либо страны, составляют угрозу миру и только он уполномочен призвать принудительной силой положить конец этим правонарушениям. На основании Устава ООН Совет Безопасности обладает развитым механизмом принудительных мер, действующих в защиту международного правопорядка и прав человека, от мер экономического воздействия до использования военной силы.

Однако сегодня этот механизм проходит проверку на прочность. Поборники гуманитарной интервенции заявляют о его несостоятельности. Характеризуется эта «несостоятельность», прежде всего, слишком сложной процедурой принятия решений о принудительных действиях Советом Безопасности. Многие отечественные и зарубежные правоведы ставят под сомнение демократичность права «вето», принадлежащего членам Совета Безопасности [17, с. 145–162]. Противники этого права настаивают на «явном противоречии» между принципом равенства государств-членов ООН и неравенством членом Совета Безопасности.

Можно согласиться с тем, что право «вето» иногда играло не лучшую роль. Действительно, если в каком-либо уголке мира происходят массовые и грубые нарушения прав человека, уносящие жизни людей, а Совет Безопасности бездействует из-за отсутствия согласия его постоянных членом относительно мер реагирования, ООН оказывается не на высоте. Однако принцип единогласия постоянных членом Совета Безопасности был задуман как гарантия сотрудничества наиболее сильных в экономическом и военном отношении государств, от которых в первую очередь зависела судьба мира при решении вопросов, связанных с поддержанием или восстановлением международного мира и безопасности. Интересно отметить, что принцип единогласия при разработке Устава предложили и отстаивали США [3, с. 414]. Логика создателей Устава ООН была проста: если между постоянными членами Совета Безопасности возникают разногласия, особенно по вопросу о том, применять или не применять принудительные меры, лучше, чтобы не было принято никакого решения, чем принято провоцирующее обостре-

ние таких разногласий решение, против которого выступает кто-либо из постоянных членов Совета. Выбиралось меньшее зло.

Но даже если принять тезис о «несовершенности» современного международного права, то устранять его пробелы нужно путем коллегиального международного обсуждения, а не применять силу в обход Устава ООН, подрывая тем самым международный правопорядок.

Еще в 1949 г., в ответ на утверждение о возможности использования доктрины гуманитарной интервенции, Международный Суд ООН в своем решении указал следующее: «Якобы существующее право на вмешательство Суд может рассматривать только как проявление политики силы, такое, которое в прошлом вело к наиболее серьезным злоупотреблениям и которое не может, каковы бы ни были дефекты организации международного общения, найти место в международном праве... Интервенция, возможно, еще менее допустима, если ее осуществляют могущественные державы, так как это может привести к извращению всей системы отправления международного правосудия» [15].

Вместе с тем практика международных отношений дает множество примеров актов вмешательства во внутренние дела государств под предлогом гуманитарных мотивов.

Полемика о правомерности гуманитарной интервенции стала особенно острой и напряженной после военных действий Организации Североатлантического договора (НАТО) в Югославии, начавшихся в марте 1999 года. Обвинив руководство Югославии в осуществлении геноцида в отношении албанского населения провинции Косово и ссылаясь на предотвращение гуманитарной катастрофы, военные силы НАТО стали наносить воздушно-бомбовые удары по территории Союзной Республики Югославии.

Описывая последствия «гуманитарной интервенции» НАТО в Югославии, профессор Г.М. Мелков пишет следующее: «За 79 дней воздушной войны против Югославии США и НАТО уничтожили объекты, защищаемые действующими нормами международного права: гидроэлектростанции («Бистрица» близ города Нова-Вароши и др.), химические предприятия и заводы (в Бариче, Панчево и других местах), нефтеперерабатывающие заво-

ды, нефтехранилища, системы канализации и питьевой воды, создавая угрозу возникновения массовых эпидемий среди мирного населения, мосты, радио- и телестанции, системы электропередач, лишая целые города, поселки и деревни электроэнергией, в том числе для обогрева домов и приготовления пищи. Уничтожались гражданские дома и объекты, колонны беженцев, пассажирские автобусы, памятники европейской архитектуры (в г. Нови-Сад), частично разрушено посольство КНР. Потоки беженцев (сербов и косовских албанцев) приближались к миллиону человек, создавая для близлежащих малых стран Европы реальную гуманитарную катастрофу. За 79 дней США и НАТО практически разрушили экономику всей страны, не входя в боевое соприкосновение с войсками Югославии, без потерь со своей стороны, при отсутствии у Югославии современных эффективных средств ПВО, а также при отсутствии у нее ракетного оружия, которое позволило бы этой стране нанести ответный ракетный удар по городам США и странам НАТО в порядке осуществления своего права на самооборону от агрессии согласно ст. 51 Устава ООН» [10, с. 179].

Тысячи мирных жителей Югославии (в том числе проживающих в Косово) лишились права на жизнь вовсе не из-за режима Милошевича, а именно в результате интервенции. В Вашингтоне и Брюсселе не могли не сознавать, что разрушение социально-экономической инфраструктуры обречет весь югославский народ на лишения и страдания. Ужасали также и экологические последствия бомбардировок.

Уместно задать вопрос: предотвратило ли гуманитарное вмешательство США и НАТО в Югославии гуманитарную катастрофу в Косово? Безусловно, нет. Выступив защитниками косовских албанцев, США и НАТО добились того, что из Косово – провинции Югославии практически выдавливаются сербы, с чем Югославия никогда не смирится, кто бы не был президентом Югославии. «США и НАТО заложили в Косово мину замедленного действия, создали на долгие годы вперед тлеющий очаг ненависти между православными сербами и мусульманами албанцами» [10, с. 181]. Как отмечают исследователи, «подлинная гуманитарная катастрофа в Югославии

явилась как раз следствием применения силы против этого государства [8, с. 22].

Торжество силы над правом повторилось весной 2003 г. в Ираке. НАТО оправдывала свое вторжение в Ирак без санкции ООН необходимостью избавления иракского народа от диктаторского режима Саддама Хусейна, вновь ссылаясь на право гуманитарной интервенции. Правительству Ирака вменялись нарушения гуманитарного права и преступления в отношении курдских повстанцев, а также подготовка к боевым действиям с использованием якобы имеющегося в стране оружия массового уничтожения.

20 марта 2003 г., вопреки отсутствию санкции ООН, коалиция США, Великобритании и Австралии начала вторжение в Ирак. Интервенция осуществлялась с активным использованием ракетно-бомбовых ударов и введением в страну сухопутной группировки численностью порядка 150 тысяч человек. 9 апреля 2003 г. пал Багдад, а с ним и режим Саддама Хусейна.

При этом комиссия ЦРУ так и не смогла обнаружить в Ираке следов производства оружия массового уничтожения. А нарушения самими интервентами норм международного гуманитарного права в ходе осуществления военной операции едва ли не сказались населению Ирака более серьезными последствиями, нежели жесткая политика Саддама, самые вопиющие репрессии которого остались в конце 90-х годов.

Провозгласив защиту прав человека мотивом вмешательства, США и Великобритания в то же время не смогли обеспечить соответствие самой интервенции международным нормам о правах человека и гуманитарному праву. «Ни один из более 50 ударов по местам предполагаемого нахождения иракских руководителей не достиг цели, что почти позволяет отнести их к неизбирательным... Американские наземные силы применяли касетные боеприпасы вблизи населенных районов» [5]. Все это неизбежно повлекло ощутимые жертвы среди гражданского населения.

Кроме того, свержение правительства Саддама привело к массовым беспорядкам в стране, а коалиционные силы оказались не способны обеспечить общественный порядок в стране.

Таким образом, по опыту интервенционистских действий и в Ираке, и в Югославии мож-

но утверждать, что гуманитарные вмешательства зачастую сами создают гуманитарные катастрофы.

А значит, не только правовой, но даже моральный аспект применения силы против суверенного государства не выдерживает проверки на «прочность». Для того чтобы военное вмешательство НАТО могло быть легитимным, то есть оправданным с моральной точки зрения, оно, безусловно, должно иметь беспристрастность «международного арбитра» к конфликтующим сторонам и объективность оценки ситуации, а в выборе средств устранения несправедливости не может существовать права на ошибку, так как речь идет о невозможных человеческих жизнях. «Судья» ни в коем случае не должен ради восстановления погрязших прав и справедливости сам чинить произвол, а также наносить больший ущерб по сравнению с тем, который он предотвращает. На деле же принцип беспристрастности был изначально нарушен. В ходе той же самой силовой акции НАТО в Югославии совершалась несправедливость еще больших масштабов, чем гипотетические репрессии в отношении югославских албанцев. Достижение поставленной наговски-ми стратегами декларативной цели – устранение несправедливости – осуществлялось по принципу «цель оправдывает средства». Совершенно очевидно также и то, что позиция Североатлантического альянса в отношении соблюдения индивидуальных и коллективных прав лишена принципиальности и носит избирательный характер. Показательно, что проблема прав человека серьезно поднимается лишь в отношении тех государств, которые проводят политику, противоречащую интересам трансатлантического сообщества. Все это говорит об отсутствии легитимности в действиях гуманитарных интервентов.

Итак, учитывая уроки югославской и иракской трагедий, можно сделать вывод, что в современном мире сложилась реальная опасность использования такой деликатной сферы, как права человека в качестве прикрытия насильственных действий в отношении суверенных государств. Глобальную систему обеспечения международной безопасности необходимо строить на прочной основе правомерности. Реагирование на гуманитарные кризисы, пре-

сечение нарушений прав и свобод человека должны осуществляться в соответствии с Уставом ООН. Применение силы в обход механизма ООН необходимо полностью исключить.

Правомерность гуманитарных интервенций не выдерживает критики ни с точки зрения законности, соответствия нормам и принципам обычного и договорного международного права, ни с точки зрения легитимности, оправданности и адекватности, поскольку, как показывает практика, политические мотивы в межгосударственных взаимоотношениях, всегда довлеют над гуманными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе, А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву / А. Х. Абашидзе. – М., 1996. – 476 с.
2. Ананьева, Е. Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом / Е. Ананьева // Международная жизнь. – 2009. – № 7. – С. 20–30.
3. Бережков, В. М. Страницы дипломатической истории / В. М. Бережков. – М., 1984. – 616 с.
4. Бордачев, Т. В. «Новый интервенционизм» и современное миротворчество / Т. В. Бордачев. – М., 1998. – 159 с.
5. Война в Ираке и Гуманитарная интервенция : всемирный доклад Хьюман Райтс Вотч. – 2004. – Янв.
6. Гроций Гуго. О праве войны и мира. – М., 1956. – 538 с.
7. Карташкин, В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации / В. А. Карташкин. – М., 2009. – 288 с.
8. Кружков, В. Югославский прецедент опасен для мира / В. Кружков // Международная жизнь. – 1999. – № 10. – С. 17–22.
9. Мезяев, А. Б. Проблемы эффективности ООН и действий резолюций Совета Безопасности в правовой системе России / А. Б. Мезяев // Международное право = International Law. – 2003. – № 1–2. – С. 5–16.
10. Мелков, Г. М. Гуманитарное вмешательство (международно-правовые аспекты) / Г. М. Мелков // Московский журнал международного права. – 2000. – № 4. – С. 177–189.
11. Brownlie, J. International Law and the use of force by states / J. Brownlie. – Oxford, 1963.
12. Freedman, L. Military Intervention in European Conflicts / L. Freedman (ed.). – L., 1994.
13. Greenwood, Ch. Is There a Right of Humanitarian Intervention / Ch. Greenwood // The World Today. – 1993. – № 2.
14. Hofmann, S. The Politics and Ethics of Military Intervention / S. Hofmann // Survival 37/4. – L. : IISS, 1995/96.
15. International Court of Justice. Reports. The Corfu Channel Case. – 1949. – 9 april.
16. Lillich Richard. Intervention to protect human rights // McGILL Law Journal. – 1969.
17. Marin-Bosch, M. Votes in the UN General Assembly / M. Marin-Bosch // Kluwer Law International. – 1999.
18. Reisman, M. Humanitarian Intervention to protect the Ibo / M. Reisman, M. McDougal // Humanitarian Intervention and the United Nations / ed. R. Lillich. – Charlottesville, 1973.
19. Stedman Stephen, J. The new Interventionists / J. Stedman Stephen // Foreign Affairs. – 1993.
20. Sornarajah, M. International colonialism and humanitarian intervention / M. Sornarajah // The Georgia Journal of International and Comparative Law. – 1981.
21. The Use of Force for Humanitarian Purposes. Enforcement Action for Humanitarian Purposes and Humanitarian Intervention // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy and Advisory Committee on Issues of Public International Law. – Report 5. – 1992.
22. Verwey, W. D. Humanitarian intervention under international law / W. D. Verwey // Netherlands Intern. Law Rev. Rockville. – 1985. – Vol. 32.

ON THE ISSUE OF LEGALITY OF HUMANITARIAN INTERVENTION

L.N. Tarasova

This article is dedicated to the issue of humanitarian intervention legality. The intricacy of this issue is caused by a combination of the universally accepted principle not to use force in international relations and a growing conviction that international community cannot stand aside when murders, sufferings, gross and mass violations of human rights are taking place in any country.

Key words: *human rights, humanity, humanitarian catastrophe, humanitarian intervention, interference in domestic affairs, use of force, international peace and security, legitimacy, legality, international law*